

УДК 821.161.1.09-2+929Сухово-Кобылин

К ПОЭТИКЕ ОБРАЗОВ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА. ВАРРАВИН И РАСПЛЮЕВ

К. М. Захаров

Саратовский государственный университет
E-mail: zahodite@list.ru

В статье рассматриваются образы генерала Варравина и Расплюева, исследуются их взаимоотношения. Исследователь показывает, как государство в лице Варравина создаёт монстра, в какой-то момент становящегося опасностью не только для городских обывателей, но и для собственных творцов.

Ключевые слова: образ, комедия, Варравин, Расплюев, Тарелкин, Сухово-Кобылин.

To the Poetics of the Images of A. V. Sukhovo-Kobylin. Varravin and Rasplyuev

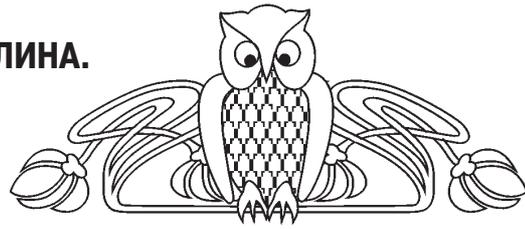
K. M. Zakharov

The article deals with the images of General Varravin and Rasplyuev and examines their relationships. The researcher shows how the state, represented by Varravin, creates a monster, which at some point becomes a danger not only for the city inhabitants, but also for its own creators.

Key words: image, comedy, Varravin, Rasplyuev, Tarelkin, Sukhovo-Kobylin.

Квартальный пристав Расплюев стал для современников главным украшением сатирической комедии-шутки А. В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» (подцензурно названной «Расплюевские веселые дни»). При этом формально этот герой выключен из системы драматического конфликта, в котором сошлись в единоборстве шантажист-подчиненный Тарелкин и взяточник-начальник Варравин. Эти два активных плута стараются переиграть друг друга. Ведь для них проигрыш означает гибель, и они в меру своих стратегических сил пытаются перехитрить друг друга. Однако специфика интриги состоит в том, что до поры каждый из них убежден, что именно он – единственный игрок на поле.

Тарелкин, инсценировавший свою кончину и намеревающийся шантажировать Варравина, полагает, что тот будет бездействовать, пока Тарелкин покинет город и покорно превратится в беспомощную жертву вымогательства. Варравин же, в свою очередь, считая Тарелкина мертвым, не ожидает с его стороны новых шагов и, переодевшись, является к нему на квартиру, чтобы нейтрализовать уже нанесенный ущерб. Ни один из них не рассчитывает на присутствие другого, именно поэтому какое-то время они не узнают друг друга, загримированных в Копылова и Полутатарина. Это игра вслепую, поединки в абсолютной темноте.

Варравин в этой борьбе подтверждает свою репутацию блестящего стратега. Явившись на квартиру «усопшего», он организует похороны и, будто бы ощущая какой-то подвох, даже демонстративно участвует в них («*Пришлось до кладбища промолоть, – сам генерал Варравин провожали*»¹). И сразу же после погребения он (уже в образе Полутатарина) смешивается с толпой кредиторов и возвращается на тарелкинскую квартиру. Успех его действий был обусловлен не столько самим фактом маскировки, сколько стремительностью, с какой она была произведена.

Тарелкин, узнав от Расплюева, что Варравин только что был на кладбище, не мог ожидать его скорого появления и оказался бессилён перед напористой наглостью «Полутатарина». Принципиально важным моментом является то, что скорость варравинских действий интуитивна. Он пока, кажется, не подвергает сомнению факта смерти своего подчиненного. Но пропажа компрометирующих документов делает его еще подозрительнее, чем раньше, и мотивирует на более решительные поступки. На кладбище он идет, чтобы убедиться, что Тарелкина действительно похоронят. В квартиру Варравин возвращается, чтобы учинить собственный, не полицейский обыск. Он, как и Тарелкин, движется наощупь. Разница в том, что у Тарелкина была фора, за время которой он мог проработать свою интригу тщательнее. Варравин же напуган, смущен неожиданностью и действует в стесненных обстоятельствах. Поэтому и выглядит более состоятельным игроком. Узнав Тарелкина (по большей части случайно), он умудряется не только свести на нет все усилия соперника Тарелкина, но и на ходу начать собственную игру. Конечно, предание о волкодлаке звучит достаточно нелепо, но оно придумывается на лету и имеет одну-единственную цель – произвести впечатление на Расплюева.

Варравин – администратор с опытом – сразу угадал разрушительный потенциал Расплюева и решил сделать из него главное оружие в борьбе против Тарелкина. Варравин опекает Расплюева и самолично, и в облики Полутатарина. Поддержка «двух» таких харизматичных лидеров повышает самомнение Расплюева. Он исполнен решимости и готов на «свершения». Когда Варравин способствует решению о назначении Расплюева следователем, тот чувствует себя счастливым. Он, который трепетал от ужаса в ожидании полиции

в «Свадьбе Кречинского», сам становится двигателем полицейского дознания, в своем произволе единолично «назначая» виноватых.

При этом нам все-таки остается непонятным, для чего Варравину потребовалось бить Расплюева палкой:

Варравин. Подкараулив теперь вас, он избирает в голове вашей место (выбирает у него в голове место), да хоботом-то как кокнет (кокает Расплюева по голове костылем). Ну, стало, и этим самым повергает вас в беспамятство – понимаете, в беспамятство.

У Расплюева занимается дух, он делает знак, что понимает².

В этой сцене Варравин уже понимает, что лояльность и заинтересованность Расплюева – залог его успеха в деле возвращения опасных документов, но все равно не может побороть искушения стукнуть по голове несимпатичного квартального поручика. Этот момент легко объясним с точки зрения затекстового автора – это позволит Расплюеву чуть позже стукнуть палкой Оха. Но с точки зрения логичности поведения персонажей это выглядит крайне непоследовательным для продуманного во всех остальных отношениях генерала.

Варравину Расплюев нужен для того, чтобы его руками сломить сопротивление Тарелкина. Если бы Тарелкин вернул генералу бумаги еще на квартире, Варравин сам бы поспешил замять дело, не доводя до ареста и тем более следствия. Но Тарелкин упорствует, поэтому необходимо вмешательство полицейских пыток («А потому не давать воды ему ни капли»³).

Варравин инспирирует следствие как прикрытие для пыток. Он, конечно, не принимал личного участия в событиях «Свадьбы Кречинского», но, очевидно, понял, что исполнитель из Расплюева далеко не идеальный («Гончая ты собака, Расплюев, а чутья у тебя нет...»⁴ – говорил Кречинский).

Когда Расплюев не уверен в себе, его органичная ложь сменяется удивительной косноязычностью:

Муромский. Скажите, в какой губернии имеее поместье ваше?

Расплюев. В Симбирской-с, в Симбирской.

Муромский. А уезд какой?

Расплюев. Как бишь его (нагибается и думает) того... то есть ох... как его?... Михайло Васильч! да как его уезд-от?

Кречинский. Какой уезд?..

Расплюев. Да наш уезд.<...>

Кречинский. А! в Ардатовском.<...>

Муромский. Да Ардатовский уезд в Нижегородской губернии.

Расплюев (фыркнув в чашку). В Нижегородской? Как в Нижегородской? Ха, ха, ха, ха!.. Михайло Васильч! что ж это такое? Они говорят, что Ардатовский уезд в Нижегородской губернии... ей-ей! ха, ха, хе, хе!..

Кречинский (нетерпеливо). Да нет! их два: один Ардатов Нижегородской губернии, другой Симбирской.

Расплюев (делает рукой к Муромскому). Ну вот!..

Муромский (делает рукою жест). Да, точно, именно: один Ардатов в Нижегородской, а другой в Симбирской.

Расплюев (делая также жест). Один-то Ардатов в Нижегородской, а другой – в Симбирской. (Оправляется.)

Варравин в образе Полутатарина начинает с мелкой лести Расплюеву, величая его «благородный человек», «благодетельный человек» или просто «благодетель». После того как Расплюев незаметно для себя арестовал Тарелкина, «Полутатарин» пророчит ему награду:

Варравин (указывая на Тарелкина). Держите его – берегите, – это птица редкая; со дня сотворения мира не было!.. Какая честь, полиции честь – вам честь! <...> Вам крест – непременно кррррест!!!⁵

Позже, уже в собственном генеральском облики, он продолжает расточать гипертрофированные похвалы Расплюеву («Да это геройский поступок»⁶) и способствует его назначению следователем.

У Расплюева же аппетит приходит во время еды («Так у меня тут (хлопает себя по брюху) огонь неугасимый и червь неутолимый»⁷). Поэтому, вопреки своей чисто формальной задаче удерживать и пытаться Тарелкина, Расплюев превзошел ожидания генерала и до его возвращения сумел «успешно» с точки зрения процессуальных норм, необходимых для «судопроизводства-светопредставления», завершить следствие («Два свидетельские показания – полное доказательство!»⁸).

Варравин оказывается сам вовлечен в действие, которое инспирировал. Логика происходящего требует от него участия в новом повороте интриги. Чтобы еще более укрепить доказательную базу, он неожиданно сам дает показания об оборотничестве своего подчиненного.

Ох. Следствие производим, ваше превосходительство; два показания уже приобрели, – свидетели показывают!..

Варравин. <...> Вы имейте в виду, что я как свидетель могу вам сделать очень важное касательно Тарелкина показание. Еще будучи в живых, он вдруг с глубоким огорчением объявил мне, как начальнику, что иногда он бывает зайцем!⁹

Игра, начатая как прикрытие, оказывается серьезнее и масштабнее, чем задумывалась. Более того, Варравин в какой-то момент сам становится потенциальной ее жертвой. Обещая способствовать назначению Расплюева, он дает ему совет:

Варравин. <...> начинайте с маленьких да мленьких – тихонько да легонько, а там и развивайте, и подымайтесь выше да шире, шире да выше, да когда разовьется да запутается – так

тут и лови! Только хватай да руки подставляй; любое выбирай: хочешь честь или хочешь есть¹⁰.

Особой нужды в этой инструкции не было – Варравин не очень заинтересован в результатах следствия, ему как раз и нужно «дело держать в секрете». Но Расплюев и Ох взяли его слова на вооружение: сначала привлекли прачку и дворника, окоротили помещика, а потом добились свидетельства, позволяющие допросить и самого Варравина:

Расплюев. Однако – когда сам арестант показывает: целая, говорит, партия – будто и генерал Варравин тоже из оборотней... Вы, говорит, его освидетельствуйте, – генерала-то...

Ох. Ну что же?

Расплюев. Будем свидетельствовать, ха, ха, ха!

Оба хохочут¹¹.

Борясь против восставшего Тарелкина, Варравин непроизвольно создает себе будущего противника, который в перспективе способен одолеть его самого. «Оба хохочут», – отметит в ремарке Сухово-Кобылин, вовсе не принудивший Оха испуганно или гневно укоротить Расплюева, который замахнулся уже и на Варравина. Мысль о том, что и генерала можно «освидетельствовать», т. е. придавить, припереть, а коли удастся, то и взять с него – эта мысль, пожалуй, кажется ему странной, но тешащей сердце и даже не невозможной. Не утопической¹². Следующий шаг полицейской мысли напрашивается сам собой: «Всю Россию потребуем».

Понимая, что намеченная логика развития может далеко завести от намеченной сюжетной линии, автор в финале спешит искусственно от-

менить потенциальное всемогущество Расплюева: **Варравин** (тихо, Оху и Расплюеву). Выйдите – я его сам допрошу.

Ох и Расплюев выходят в залу присутствия¹³.

Одновременно они «выходят» и за пределы художественного мира. После того как Варравин и сломленный Тарелкин приходят к соглашению, последний в образе Копылова, оказывается, может беспрепятственно покинуть участок, не опасаясь полицейских. Обозначив мрачную перспективу «расплюевских веселых дней», Сухово-Кобылин средствами театра ее «снимает», оставляя Варравина единственным победителем, «властителем минуты», тем самым перекалфицировав «Расплюевские веселые дни» из памфлета на современность в пророчество.

Примечания

- 1 Сухово-Кобылин А. Трилогия. М.; Л., 1959. С. 244.
- 2 Там же. С. 257.
- 3 Там же. С. 266.
- 4 Там же. С. 96.
- 5 Там же. С. 258.
- 6 Там же. С. 265.
- 7 Там же. С. 246.
- 8 Там же. С. 281.
- 9 Там же. С. 284–285.
- 10 Там же. С. 266.
- 11 Там же. С. 271.
- 12 Рассадин С. Гений и злодейство, или Гений Сухово-Кобылина. М., 1989. С. 299.
- 13 Сухово-Кобылин А. Указ. соч. С. 286.

УДК 821.161.1.09-3 +929 [Анненков+Писемский]

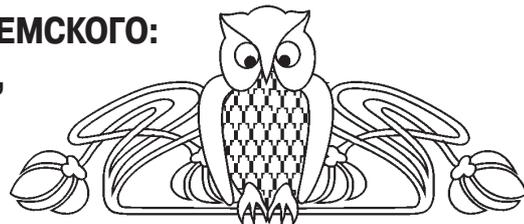
П. В. АННЕНКОВ О ТВОРЧЕСТВЕ А. Ф. ПИСЕМСКОГО: ПРЕДМЕТ КРИТИКИ, ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК, ЖАНРОВЫЕ ГРАДАЦИИ

О. В. Тимашова

Саратовский государственный университет
E-mail: kirlif@info.sgu.ru

Статья содержит последовательно-хронологический анализ трех программных статей П. А. Анненкова, посвященных произведениям А. Ф. Писемского, с точки зрения индивидуально-поэтического, проблемного, но, в первую очередь, важнейшего для критика жанрового анализа.

Ключевые слова: П. В. Анненков, А. Ф. Писемский, «Очерки из крестьянского быта», роман «Тысяча душ», роман «Взбаламученное море».

P. V. Annenkov about the Oeuvre of A. F. Pisemsky: the Object of Criticism, Evolution of Evaluations, Genre Gradations

O. V. Timashova

The article presents a consecutive chronological analysis of three program articles by P. V. Annenkov dedicated to A. F. Pisemsky's